

*Моим ученикам в Сиракьюсском университете,
бывшим, нынешним и будущим.*

И в благодарную память о Сьюзен Кэмил.

Иван Иванович вышел наружу, бросился в воду с шумом и поплыл под дождем, широко взмахивая руками, и от него шли волны, и на волнах качались белые лилии; он доплыл до самой середины плеса и нырнул, и через минуту показался на другом месте и поплыл дальше, и всё нырял, стараясь достать дна. «Ах, боже мой... — повторял он, наслаждаясь. — Ах, боже мой...» Доплыл до мельницы, о чем-то поговорил там с мужиками и повернул назад, и на середине плеса лег, подставляя свое лицо под дождь. Буркин и Алехин уже оделись и собрались уходить, а он всё плавал и нырял.

— Ах, боже мой... — говорил он. — Ах, господи помилуй.

— Будет вам! — крикнул ему Буркин.

— *А. П. ЧЕХОВ, «Крыжовник»*

Содержание

Начинаем	11
А. П. Чехов, «На подводе»	21
По странице за раз	
Соображения о рассказе «На подводе»	23
Вдогонку № 1	78
И. С. Тургенев, «Певцы»	83
Сердце истории	
Соображения о рассказе «Певцы»	106
Вдогонку № 2	141
А. П. Чехов, «Душечка»	153
История-алгоритм	
Соображения о рассказе «Душечка»	169
Вдогонку № 3	204
Л. Н. Толстой, «Хозяин и работник»	209
А всё ехали они дальше	
Соображения о рассказе «Хозяин и работник»	264
Вдогонку № 4	301
Н. В. Гоголь, «Нос»	307
Дверью в истину может стать странность	
Соображения о повести «Нос»	338
Вдогонку № 5	378

А. П. Чехов, «Крыжовник»	387
Купание в пруду под дождем	
Соображения о рассказе «Крыжовник»	401
Вдогонку № 6	426
Л. Н. Толстой, «Алеша Горшок»	433
Мудрость недосказанного	
Соображения о рассказе «Алеша Горшок»	441
Вдогонку № 7	473
Завершаем	477
Приложения	487
Приложение А. Учимся сокращать	489
Приложение Б. Учимся нагнетать	495
Приложение В. Учимся переводить	499
Благодарности	504
Основные источники	507
Дополнительные источники	509

Начинаем

Последние двадцать лет я преподаю в Сиракьюсском университете русский рассказ XIX века. Мои ученики — среди лучших молодых писателей Америки. (В год мы выбираем шесть новых студентов из шестисот-семисот желающих.) Они и без всякой учебы сами по себе замечательные. В последующие три года мы помогаем им достичь того, что я называю их «знаковым пространством», — это пространство, из которого все они смогут писать то, на что способны только они, применив все, что делает их неповторимо ими: свои силы, слабости, одержимости, причуды — всё на свете. На этом уровне хорошее письмо разумеется само собой; цель — помочь ученикам обрести технические средства, которые помогут им дерзко и радостно стать самими собою.

На русском курсе в надежде понять физику формы («Как это вообще устроено?») мы обращаемся к нескольким великим русским авторам и разбираемся, как у них это получалось. Я иногда вот так шучу (и вместе с тем не шучу): мы читаем, чтобы присмотреть себе что-нибудь подходящее да и своровать это.

Несколько лет назад после очередного занятия (скажем, меловая пыль плавала в осеннем воздухе, в углу урчала старомодная отопительная батарея, где-то вдали репетировал духовой оркестр) я осознал, что лучшие мгновения моей жизни, мгновения, когда я по-насто-

яшему чувствовал, что предлагаю миру нечто ценное, случились у меня на этом русском курсе. Рассказы, которые я в нем даю, постоянно со мною в моей работе, они моя высокая планка, и в своих сочинениях я к ней тянусь. (Хочу, чтобы рассказы мои трогали и меняли людей в той же мере, в какой эти русские рассказы тронули и изменили меня.) Столько лет спустя тексты эти — словно старые друзья, друзья, каких я, преподавая курс, представляю все новым группам блистательных молодых писателей.

Вот почему я решил написать эту книгу — чтобы хоть частично собрать на бумаге то, что мы с моими учениками совместно открыли за многие годы, и тем самым предложить скромную версию этого курса вам.

За семестр мы читаем до тридцати рассказов (по два-три за занятие), но для этой книги ограничимся семью. Не подразумеваю, что эти семь рассказов как-то представляют все разнообразие русских писателей (только Чехова, Тургенева, Толстого и Гоголя) — или даже наилучшие рассказы этих авторов. Это просто семь историй, которые я люблю и знаю, как учить на их примере. Если бы передо мной стояла задача влюбить нечитающего человека в малую прозу, эти рассказы я бы предложил в первую очередь. По моему мнению, рассказы эти замечательны и сочинены в эпоху расцвета жанра. Но не все они великолепны в равной мере. Некоторые великолепны, невзирая на те или иные огрехи. Некоторые же великолепны именно *благодаря* своим огрехам. А некоторые, возможно, требуют того, чтобы в их величии убеждали (и я с удовольствием попробую это сделать). Поговорить же я хочу о жанре рассказа как таковом, и для этой цели выбранные тексты годятся: они просты, ясны и фундаментальны.

Для начинающего писателя чтение русских рассказов того периода подобно изучению Баха для начинающего

композитора. Все основополагающие принципы жанра — на виду. Рассказы эти просты, но они трогают. Нам не все равно, что в них происходит. Они сочинены так, чтобы испытать нас, вызвать противоречие и возмутить. И замысловато утешить.

Начав читать эти рассказы, в основном тихие, домашние, аполитичные и сочиненные прогрессивными реформаторами в репрессивной культуре под постоянной угрозой цензуры, эту мысль вы, вероятно, сочтете странной, однако это литература сопротивления, возникающая во времена, когда писателя за политические взгляды могли сослать, бросить в тюрьму или казнить. Сопротивление в этих рассказах тихое, не лобовое и, возможно, рождается из самой радикальной предпосылки: любой человек достоин внимания, а истоки любой способности к добру или злу во Вселенной можно отыскать, наблюдая за одним-единственным, даже самым неприметным человеком и за тем, как устроен его или ее ум.

Меня учили на инженера в Колорадском горном училище, художественной прозой я занялся поздно и представление о ее задачах имел особое. Однажды летом я получил мощный опыт, читая по ночам «Гроздь гнева» в старом жилом автофургоне на подъездной дорожке возле родительского дома в Амарилло после долгих рабочих часов на нефтяных месторождениях — там я трудился так называемым размотчиком сейсмической косы. Среди моих напарников был некий ветеран вьетнамской войны, время от времени раздражавшийся посреди прерий воплями, как диктор в радиорубке («ЭТО В-ВОЙНА, АМАРИЛЛО!»), а также бывший зэк, только-только из тюрьмы, который, что ни утро, пока мы ехали в фургоне на работу, уведомлял меня о все новых и новых извращениях, какие они с его «дамой» опробов-

вали прошедшей ночью, — те образы, как ни прискорбно, до сих пор со мной.

После таких вот рабочих дней я читал Стейнбека, и роман оживал у меня перед глазами. Я видел, что тружусь в некоем продолжении вымышленного мира. Та же Америка несколько десятилетий спустя. Уставал я, уставал и Том Джоуд. Мне казалось, что мною злоупотребляет некая громадная сила, нагребшая себе богатств, — то же казалось и «его преподобию» Кэйси¹. Меня и моих новых приятелей угнетал левиафан капитализма, как угнетал он тех «оклахомцев», что ехали через тот же «техасский выступ» в 1930-е по пути в Калифорнию. Мы тоже были уродливыми обломками капитализма — неизбежной платой за успех коммерции. Короче говоря, Стейнбек писал о жизни в том ее виде, какой застал ее и я. Он подошел к тем же вопросам, к каким подошел и я, и понял, что они насущны — к этому пониманию пришел и я.

Русские писатели, когда я их открыл для себя несколько лет спустя, подействовали на меня так же. Казалось, они относятся к прозе не как к чему-то декоративному, а как к жизненно необходимому нравственно-этическому инструменту. Когда читаешь этих авторов, они тебя меняют, а мир вокруг словно бы начинает излагать другую, гораздо более интересную историю — историю, в какой можно сыграть значимую роль и где на читателя возложена ответственность.

Мы живем, как вы, вероятно, замечаете, в эпоху вырождения, нас бомбардируют необременительные, поверхностные и стремительно рассеивающиеся сгустки информации, имеющей свои неявные цели. Некоторое время нам предстоит провести в пространстве, где, по умолчанию, считается, что, как писал великий мастер

¹ По переводу Н. Волжиной. — *Здесь и далее примечания переводчика, кроме оговоренных особо.*

русского рассказа Исаак Бабель, «никакое железо не может войти в человеческое сердце так леденяще, как точка, поставленная вовремя»¹. Вскоре побываем мы в семи прилежно выстроенных моделях мира, вдохновленных определенным намерением, какое наше время, быть может, не очень-то поддерживает, а именно — задаваться большими вопросами: Как нам тут жить? Что следует ценить? Что вообще такое истина, в конце-то концов, и как ее распознать? Как сохранять покой, когда у одних людей есть всё, а у других — ничего? Как с радостью жить в мире, какой вроде бы хочет, чтобы мы любили других людей, а сам, не церемонясь, рано или поздно разлучает нас с ними, невзирая ни на что?

(Ну вы понимаете, такие вот жизнерадостные — большие вопросы, очень русские по духу.)

Чтобы рассказ смог поставить такого рода вопросы, его нам сперва нужно дочитать. Он должен втянуть нас в себя, заставить двигаться по тексту. А потому задача этой книги — преимущественно диагностическая: если рассказ увлек нас, удержал наше внимание, дал нам почувствовать, что нас тут уважают, — как ему это удалось? Сам я вовсе не критик, не историк литературы, не специалист по русской литературе России. Моя художественная жизнь сосредоточена на попытке научиться писать рассказы, трогающие читателя, какие хочется дочитывать. Себя я считаю скорее эстрадным артистом, нежели ученым. Мой подход к обучению в меньшей мере академический («Воскресение в этом контексте — метафора политической революции, этого стойкого интереса в русском *цайтгайсте*») и в большей стратегический («Зачем нам вообще повторно приезжать в эту деревню?»).

¹ Из рассказа «Гюи де Мопассан», цикл «Одесские рассказы» (1923–1924).